

УДК 94 + 327

Шепелев Максимилиан Альбертович, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политических наук и международных отношений, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Россия

e-mail: ma_shepelev@mail.ru

ПЕРЕХОД ВЛАСТИ ОТ САЛАЗАРА К КАЭТАНУ В ДОКУМЕНТАХ ПОСОЛЬСТВА США В ПОРТУГАЛИИ

Аннотация. В статье анализируются материалы внутренней переписки посольства США в Португалии с государственным департаментом 1968 г., раскрывающие американское восприятие процесса политического транзита в рамках режима Нового государства в связи с переходом власти от Антониу де Оливейры Салазара к Марселу Каэтану.

Ключевые слова: Португалия, США, Антониу де Оливейра Салазар, Марселу Каэтану, Алберту Франку Ногейра, политический транзит.

Shepelev Maximilian Albertovich, Doctor of Political Science, Professor, Professor of the Department of Political Science and International Relations, Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Simferopol, Russia

e-mail: ma_shepelev@mail.ru

TRANSFER OF POWER FROM SALAZAR TO CAETAN IN DOCUMENTS FROM THE U.S. EMBASSY IN PORTUGAL

Abstract. The article analyses the materials of internal correspondence of the US Embassy in Portugal with the State Department in 1968, revealing the American perception of the process of political transit within the New State regime in

connection with the transition of power from Antonio de Oliveira Salazar to Marcelo Caetano.

Keywords: Portugal, USA, António de Oliveira Salazar, Marcelo Caetano, Alberto Franco Nogueira, political transit.

Keywords: Portugal, USA, António de Oliveira Salazar, Marcelo Caetan, Alberto Franco Nogueira, political transit.

Дипломатические документы – традиционно важнейший источник сведений о внешней политике государств и об оценках иностранными дипломатами процессов, происходящих внутри государств пребывания, позволяющий сформировать более полное представление о восприятии ими тех или иных возникающих политических ситуаций, понять мотивы совершаемых действий и принимаемых решений. Перипетии португальско-американских отношений эпохи Нового государства в Португалии (1933-1974) – *terra incognita* для основной массы отечественных исследователей международных отношений, тогда как исторические обстоятельства их развития представляют интерес в том числе для понимания подходов США к выстраиванию отношений со своими партнерами по НАТО, претендующими на проведение относительно самостоятельной внешней политики. В данном случае обратим внимание на несколько документов, относящихся к 1968 г. - периоду перехода власти от доктора Антониу де Оливейры Салазара к доктору Марселу Каэтану. Речь идёт о трёх телеграммах, отправленных из посольства США в Португалии в Государственный департамент 24 июля, 8 октября и 5 ноября 1968 г.

Первая из них (1125Z), отправленная американским послом У. Тэпли Беннеттом-младшим, посвящена «сумеркам эпохи Салазара». Она была продублирована также в американские посольства в Лондоне, Мадриде, Париже и Рио-де-Жанейро. Время ее написания и отправки совпадает с последними днями, когда 79-летний глава португальского правительства находился в функциональном состоянии, поскольку 1 августа он упадёт с шезлонга и ударится головой, вследствие чего в головном мозгу образуется

субдуральная гематома. 7 сентября последует операция, которая спасёт Салазару жизнь, но затем 16 сентября с ним случится инсульт, который поставит крест на его политической жизни.

В день отправления первой телеграммы доктор Салазар ещё только готовился к переезду в форт Санту-Антониу-ду-Эшторил, где он обычно проводил лето и где с ним и случился описанный выше трагический инцидент. Беннетт информирует о последнем интервью Салазара для прессы, данном в конце апреля малоизвестному аргентинскому изданию и опубликованное с максимальным размахом в лиссабонской прессе и в португальской Африке в первую неделю июля, называя его «самым экстремальным на сегодняшний день». По его словам, «оно заставило языки зашевелиться, и даже португальцы, которые являются ярыми защитниками Эштаду Нову и большими поклонниками Салазара лично, добровольно выразили свою озабоченность ее общим тоном» [1, p. 349].

Посол уточняет, что «дело не столько в пренебрежительном отношении доктора Салазара к Соединенным Штатам как к стране с «неразрешимыми расовыми проблемами», которая берет на себя труд проповедовать Португалии об Африке», или в его «насмешках в адрес Соединенных Штатов по поводу Кубы». Он уже говорил подобные вещи в прошлом, «хотя никогда прежде он не был столь прямолинейно невежлив. Де Голль также говорил язвительные вещи о США, но в более высоком стиле». Более показательными изменениями в последнем интервью Салазара Беннету представляются «крайняя оборонительная позиция» в отношении собственных достижений и португальской политики и позиции в целом. Заявления и строгие требования Салазара в этой области посол называет «одновременно мелочными и непреклонными - жесткими до окоченения» [1, p. 349].

Беннетт сообщает в Вашингтон: «Некоторые из моих европейских коллег, пораженные и потрясенные языком, который использовал премьер-министр, начали шептаться о старческом маразме. Хотя в течение последнего года Салазар заметно постарел для своих 79 лет, а его проблемы с глазами

достаточно хорошо подтверждены, на основании того, что мы знаем, судить о его дряхлости было бы преждевременно. На данный момент я бы склонялся к выводу, что перед нами очень старый человек, погрязший в самодовольстве и укрепившийся в своих убеждениях благодаря тому, что в течение 40 лет успешно манипулировал местными властными структурами, - старый, всё более недовольный и раздражённый, поскольку видит, что время уходит, а он сам не в состоянии привести мир (или даже значительное и растущее число португальских несогласных) к своим взглядам на то, как должен быть устроен мир и Португалия, - словом, человек, который продержался слишком долго» [1, р. 349].

По его словам, именно так воспринимали Салазара члены делегации министра иностранных дел Бразилии после их недельного визита в Лиссабон в начале июля. «Во время многолюдного визита, который прошел в уютной и доверительной атмосфере, подобающей встрече матери и дочери, бразильцы обнаружили, что Салазар активен, проявляет свое прежнее обаяние и хорошее настроение, но демонстрирует явные признаки замедления в физической активности. Они охарактеризовали даже официальных лиц и представителей внутреннего истеблишмента Португалии как людей, которым наскучила атмосфера, царящая в правительстве, и которые активно ожидают конца эпохи. Эти наблюдения бразильцев совпадают с впечатлениями посольства и с мнением, высказанным членами иностранного делового сообщества Лиссабона на основе их контактов на местах», - пишет американский посол.

При этом он признаёт, что мистика Салазара всё ещё сохраняется: «Это не значит, что доктор Салазар утратил свою власть над делами или что его мистика испарилась. В португальском спектре он слишком часто оказывался прав и был мудрее своих критиков по многим вопросам. В самом деле, его легендарная проницательность вновь проявилась в последние дни при решении вопроса о прекращении забастовки общественного транспорта Лиссабона, когда обслуживание не было нарушено, а кондукторы просто отказались принимать плату за проезд. После того, как эта, по сути, веселая ситуация

продолжалась несколько дней, правительство по собственной воле решило, что компании (тот факт, что компания в основном принадлежала англичанам, облегчил действия) пора удовлетворить основную часть требований по зарплате». После этой акции рабочие немедленно вышли на улицу, восхваляя Салазара «как друга рабочего человека и подателя всех благ» [1, p. 350].

Правда, посол уточняет, что хотя «на данный момент Салазар может похвалиться тем, что оказал добрую услугу рабочим, которым он не разрешает бастовать», если этот прецедент повторится в виде повышенных требований по заработной плате, «атмосфера может быстро стать невеселой. В ближайшие месяцы давление на заработную плату, похоже, будет нарастать» [1, p. 351].

Оценивая изменение атмосферы в португальском обществе, посол Беннетт заявляет о нежелании «преувеличивать проблему или опережать события, о темпах которых сейчас невозможно судить», но отмечает, что «разница в атмосфере между годом или даже несколькими месяцами назад и сейчас заключается в том, что португальцы приходят к признанию, которое они годами подавляли, что Салазар все-таки смертен. Он так долго был рядом и так хорошо справлялся с делами с узкой, традиционной португальской точки зрения, что еще несколько месяцев назад серьезные люди всерьез говорили, что надеются, что Салазар будет продолжать жить и заботиться о делах. В наши дни такое выражение веры можно услышать нечасто» [1, p. 351].

По словам Беннетта, «окончательное смещение - и следует подчеркнуть, что точный ритм этого процесса предсказать невозможно - того, что подавляющему большинству португальцев кажется их вековой скалой, неизбежно порождает определенную нервозность на местной сцене». Для американского посла важно, что «в основе этой нервозности не лежит озабоченность африканской позицией и [связанными с ней – М.Ш.] проблемами Португалии». Он вынужден признать, что «даже те представители нового поколения, которые всё больше разочаровываются в политике страны и критикуют участие США во Вьетнаме, решительно поддерживают идею Португалии в Африке. Несмотря на неизбежное недовольство требованиями

военной службы, стоимость войн в Африке (за исключением Гвинеи) остается для португальцев терпимой как в человеческом, так и в финансовом плане. Национальная воля, похоже, направлена на то, чтобы остаться в Африке, даже несмотря на то, что все больше и больше людей, возможно, смиряются с неизбежностью будущих политических изменений в этой стране. Атмосфера неопределенности, складывающаяся в стране, проистекает в первую очередь из беспокойства за будущее европейской Португалии и не имеет в своей основе тревоги за Африку» [1, р. 351-352].

Определённое влияние на настроения в стране оказывали события «Красного мая» во Франции, что отмечает и Беннетт, признавая при этом существенные отличия двух стран: «Эту страну сильно потрясли майские события во Франции. На разных уровнях португальского общества вдруг стало ясно, как легко система сильного человека может быть поставлена на грань революции. Португалия, конечно, не Франция. В такой стране, как эта, с в основном неграмотным и неорганизованным народом, при решительно настроенном режиме, опирающемся на всепроникающий полицейский аппарат и строго контролируемую прессу, сдерживать натиск легче» [1, р. 352].

По его оценке, португальцы будут с опаской следить за французскими изменениями в трудовом законодательстве, пытаясь понять, как они повлияют на всё более жесткую структуру местных зарплат, а также «они будут обеспокоены значением образовательных реформ во Франции для португальских студентов, которые до сих пор были на удивление спокойны, но в последние месяцы начали проявлять беспокойство. Здесь ожидают значительных студенческих волнений осенью. Беспорядки во Франции могут спровоцировать их и здесь».

Важнейший вопрос – тема преемника Салазара: «Несмотря на общее признание португальцами того факта, что Салазар больше не может оставаться вечным, бразильцы во время своего недавнего визита получили не более проницательные указания на будущее, чем остальные из нас. Они получили обычный ответ, который, похоже, удовлетворил португальцев: когда Салазар

уйдет, президент назначит другого премьер-министра. Кажется невероятным, что люди с высоким профессиональным статусом и важными делами, те, кто больше других социальных слоев заинтересован в будущем, не должны больше беспокоиться о форме грядущих событий. Однако в подавляющем большинстве случаев это именно так. В приглушенных спекуляциях по поводу престолонаследия мало что изменилось в обычном наборе имен, о которых продолжают говорить. Нет никаких признаков того, что д-р Салазар кому-то дал добро, и его замечание аргентинскому интервьюеру о том, что его преемником будет «неизвестный», здесь не перепечатывалось. Если он и высказал какие-то соображения по этому поводу своему верному главе государства, то это глубокая тайна» [1, p. 352].

Что касается президента Республики адмирала Америку Томаша, посол Беннетт сообщает, что «президент Томаш, которому уже 73 года, продолжает упорно ездить по стране, выполняя свой патриотический долг, как старый верный моряк, которым он и является, и довольно часто в своей матросской форме. Он всегда выглядит так, будто у него болят ноги, но нет ни одного местного фестиваля, коммерческой инаугурации или образовательного мероприятия, которое было бы слишком незначительным, чтобы заслужить его присутствие. Недавно на крупном фестивале в Эворе он проехал по улицам этого средневекового города, стоя в открытом автомобиле и приветствуя толпу, словно кандидат на должность. Президенту всегда почтительно аплодируют - португальцы вежливый и уважительный народ, - но в этом, в общем-то, не срежиссированном приеме в Эворе чувствовалась какая-то теплота, выходящая далеко за рамки протокольных требований. Президент Республики - молчаливый человек, который редко выражает публично или в беседах с дипломатами какое-либо мнение, кроме патриотических чувств. Хотя он довольно приветливый отец, часто появляющийся на публичных мероприятиях в сопровождении своих внуков, в вопросах политики он производит впечатление сторонника жесткой линии. У него тесные связи с военными, и, несомненно, его приближенные принадлежат к этой группе. В случае

внезапного вакуума его мнение относительно преемника Салазара может приобрести ключевое значение» [1, p. 353].

Не будучи способным сообщить своему начальству в Вашингтоне нечто более определённое по вопросу преемства власти в Лиссабоне, он отмечает ужесточение режима. «Загадка будущего в Португалии остается такой же непостижимой, как и в Испании. Здесь, по крайней мере, существует операционная система, включающая в себя как главу государства, так и главу правительства. Продержится ли Салазар еще несколько лет или мы стоим на пороге ускоряющегося возрастного ухудшения, которое приведет к более ранним изменениям, покажет только время. По мере того как режим проявляет все больше признаков вступления в свою последнюю стадию, внутренняя структура власти, самодовольно довольная тем, как обстоят дела, начала в авторитарном стиле ужесточаться, поворачивать все дальше вправо». Так, ему сообщили, что «планы действий сил безопасности на случай непредвиденных обстоятельств были недавно пересмотрены и ужесточены в преддверии проблем со студентами осенью. Церковь также была поставлена в известность» [1, p. 353].

Как предположил Беннетт, «первоначально преемник Салазара, когда он придет, будет нуждаться в поддержке вооруженных сил и должен быть в значительной степени создан по его образу и подобию. Как бы там ни было, непосредственный преемник не будет обладать тем огромным авторитетом, который нынешний премьер-министр получил благодаря своему 40-летнему правлению. Преемник также может быть из более низкого металла и не обладать той личной честностью, которая была одним из главных достоинств Салазара. Преемник может оказаться настоящей темной лошадкой, и может произойти несколько смен подряд, прежде чем власть окончательно укрепитя. В последнем случае вполне может возникнуть напряжение в военном единстве. Если предположить, что первый акт после Салазара будет упорядоченным, то затем сюжет может стать более запутанным и вовлеченным» [1, p.353].

Другая телеграмма (1800Z) была отправлена из Лиссабона в Вашингтон 8 октября, уже после смены президента Совета министров Португалии, которая произошла 26 сентября 1968 г. В ней посол информирует госдепартамент, что министр иностранных дел Алберту Франку Ногейра пригласил его «поздно вечером 7 октября для нашей первой встречи после смены правительства и назначения Марселу Казтану премьер-министром». Министр не тратил времени на предварительные разговоры, подчеркнув, что выступает «по указанию и с полномочиями» нового премьер-министра, чтобы официально представить вниманию правительства США заявление о политике Португалии на заморских территориях, и сообщив при этом, что делает то же заявление послам Бразилии, Испании, Франции, Германии, Великобритании и Южной Африки, как представителям правительств, которые, по мнению португальского правительства, имеют особый интерес к этому вопросу.

Как сообщил Беннетт, «Франку Ногейра начал с того, что среди иностранных правительств, прессы и других слоев общественного мнения за рубежом широко распространено мнение, что африканская политика Португалии представляла личную позицию доктора Салазара. В мире его считали человеком с сильными взглядами, который видел свою страну в определенных рамках и формировал ее политику таким образом, чтобы она соответствовала его собственному видению Португалии внутри страны и за ее пределами. Различные правительства пришли к выводу, что пока Салазар остается у руля португальских дел, никаких изменений ожидать не стоит. Однако существовало немало предположений, что после ухода Салазара от власти в заморской политике правительства Португалии [в тексте использована аббревиатура GOR – М.Ш.] начнутся изменения. Вновь подчеркнув, что он говорит по конкретному указанию нового премьер-министра, Франко Ногейра заявил, что правительство Португалии считает делом первостепенной важности недвусмысленно заявить о своей позиции. Португальская политика в отношении заморских территорий «не будет изменена ни в малейшей степени». Политика, проводившаяся при Салазаре, не была личной, а представляла собой

взвешенный национальный взгляд на интересы Португалии. Эти национальные интересы остались в силе, и новое правительство едино в своем намерении продолжать в том же духе. Никаких изменений в заморской политике не будет, повторил он. Министр иностранных дел попросил меня передать это заявление о политике португальского правительства правительству США» [1, р. 354].

Американский посол поинтересовался у министра, останется ли заявление, поскольку оно было сделано несколькими правительствам, в устной форме или будет предоставлена памятная записка. Он сообщает: «Министр [в тексте использовано сокращение FonMin – М.Ш.], по-видимому, не слишком задумывался над этим вопросом; он ответил, что памятная записка не будет представлена, но затем добавил, что Гарин позднее изложит взгляды правительства Португалии в ходе встречи в [государственном – М.Ш.] департаменте. В другой момент беседы Франку Ногейра сказал, что новое правительство рассматривало возможность публичного объявления, дающего понять, что оно неизменно придерживается существующей политики в отношении заморских территорий. Однако эта идея была отвергнута как способная скорее вызвать, чем развеять сомнения и домыслы, и вместо этого было решено напрямую обратиться к правительствам отдельных стран» [1, р. 355].

По словам Беннетта, «затем Франку Ногейра заявил, что пойдет дальше и сделает дополнительный комментарий специально для справочной информации американского правительства [USG]. В неожиданно прямой ссылке на политические маневры, которые происходили во внутренних правительственных кругах в течение недели, предшествовавшей выбору Томашем Каэтану в качестве нового премьер-министра, Франку Ногейра заявил, что лично он старался держаться в стороне от ситуации, но его «политические друзья» были активны. В ходе обсуждений в тот период стало абсолютно ясно, что ни одно португальское правительство не сможет изменить политику в отношении заморских территорий и остаться у власти. Привязанность к нынешней политике была твердой и непоколебимой. Это было

честное мнение Португалии, которая долгое время считала свою африканскую позицию вкладом в дело Запада. Учитывая недавние изменения в Чехословакии, угрозы Берлину и Румынии и вновь воинственный настрой Советов - FonMin считал недавнюю речь Громыко на ГА ООН зловещей, особенно в отношении его замечаний по Ближнему Востоку и Средиземноморью - Португалия была как никогда убеждена, что своей позицией на юге Африки она служит благосостоянию Запада» [1, p. 355].

Комментируя это заявление для Вашингтона, посол Беннетт сообщил, что когда со временем появится возможность для личной беседы с премьер-министром Каэтану, можно будет более подробно прояснить его видение внешней политики. По его словам, «главный член нового кабинета, государственный министр Ваз Пинту, пригласил меня сопровождать его в Фуншал на открытие статуи Колумба 12 октября, и это даст повод для непринужденной беседы о планах и намерениях правительства Каэтану». «Между тем, - отмечает Беннетт, - у меня нет оснований полагать, что Франку Ногейра занимается чем-то иным, кроме добросовестного исполнения политики правительства по передаче заявления о политике за рубежом. Его тон во время нашей встречи 7 октября был трезвым и серьезным, а воинственность, которую он иногда проявляет при обсуждении зарубежных вопросов, полностью отсутствовала. Какое бы понимание ни было достигнуто в кулуарах в отношении согласия на назначение Каэтану премьер-министром, военные и другие элементы жесткой линии (включая Франку Ногейру по вопросам заморских территорий) будут настаивать на сохранении существующей линии в отношении Африки. Мы начинаем с того, что есть, и время покажет, насколько сильно Каэтану захочет изменить заморскую политику и как он будет проводить эту деликатную операцию» [1, p. 355-356].

Наконец, третья телеграмма (1725Z) из посольства США в Португалии была отправлена в Государственный департамент 5 ноября 1968 г. В ней посол Беннетт сообщает о первой беседе с новым президентом Совета министров Португалии: «Я сделал первый звонок новому премьер-министру поздно

вечером 4 ноября, воздержавшись от просьбы о приёме в течение первого месяца его пребывания в должности, чтобы дать ему время освоиться. Вчера с премьер-министром также встречался посол Бразилии. Каэтану принял меня в своем кабинете один, поднялся из-за тщательно убранного стола, когда я вошел, и приветствовал меня с теплой вежливостью. Ещё со времен учебы в университете у него сложилась репутация человека, который любит беседовать и обмениваться идеями, и создавалось впечатление, что он рад возможности обмениваться мнениями». Посол акцентировал внимание на том, что «Франку Ногейра пытался отговорить меня от просьбы о встрече, утверждая, что новый премьер-министр не желает принимать иностранных послов». Под впечатлением первой встречи он сделал вывод: «Я считаю, что мы можем рассчитывать на разумные дискуссии и рациональные аргументы с Каэтану, даже если не всегда будем находить согласие» [1, p. 357].

Посол проинформировал госдепартамент, что Марселу Каэтану «с большим нетерпением ждёт визита секретаря», что «он рассказал о своей заинтересованности в «возобновлении диалога» с правительством США после нескольких лет, которые он назвал «недопониманием» между нашими двумя правительствами. Далее он высказал предположение, более щедрое, чем мы привыкли слышать от португальских официальных лиц, что обе стороны страдают от недопонимания. Я заверил его в том, что USG и я лично заинтересованы в изучении разногласий между нами и в попытках их сгладить» [1, p. 357].

Также он сообщил, что со своей стороны «подчеркнул взаимные интересы и общие задачи, которые разделяют США и Португалия, упомянув, что приехал в его офис прямо с церемонии передачи португальским ВМС третьего эсминца-эскорта, построенного по соглашению о совместных затратах для выполнения обязательств НАТО. Премьер-министр оказался уже хорошо информирован об этой программе. Мы рассмотрели недавнюю Лиссабонскую встречу Ассоциации Атлантического договора как пример общих интересов. Я также упомянул о нашем интересе к программе обмена студентами и

профессорами и выразил удовлетворение по поводу недавнего решения GOP внести финансовый вклад в эту программу. Я сказал, что мы считаем полезным приезд американских студентов и профессоров в Португалию; прежде чем я успел закончить фразу, в разговор вмешался премьер-министр, который сказал, что для португальских студентов и профессоров очень ценно иметь возможность провести некоторое время в США» [1, p. 357].

При этом ни премьер-министр, ни посол не затронули в разговоре ни Азорскую базу, ни африканские проблемы. Беннетт считал, что «это было бы контрпродуктивно в этой первой беседе, особенно учитывая отсутствие у него возможности маневрировать по последнему вопросу». Зато посол, по его словам, «воспользовался случаем, чтобы похвалить премьер-министра за достоинство и самодисциплину, проявленные португальцами в сложный период последних двух месяцев в жизни Португалии. Он выразил признательность и сказал, что гордится тем, как спокойно страна справилась с переходом от режима Салазара и теперь приспосабливается к новым методам работы. Он с удовлетворением отметил, что сейчас в стране царит новый дух. Я согласился с ним и отметил, что это особенно заметно в ежедневной прессе, добавив, что свидетельства большей свободы слова произвели очень благоприятное впечатление в США, где мы привержены свободе прессы. Каэтану подхватил эту тему, заявив, что цензура уже значительно ослаблена. Он подчеркнул, что это новая администрация, которая чувствует себя свободной от прошлого, но при этом отметил, что сейчас трудное и деликатное время и что переходный период должен быть проведен в «обходительной» манере. В конце концов, сказал он, выразительно сложив ладони и улыбаясь, Португалия сменяет режим, который продолжался сорок лет» [1, p. 358].

Знакомство с представленными документами по истории отношений США и Португалии позволяет сформулировать по крайней мере несколько следующих выводов:

1. Посольство США в Лиссабоне получало информацию об ухудшающемся состоянии здоровья доктора Антониу де Оливейры Салазара,

но воздерживалось от чётких прогнозов о сроках политического транзита. Несмотря на заметные признаки физического ослабления, посол отмечал, что «мистика Салазара» всё ещё сохраняется.

2. Посольство США имело довольно общие представления в отношении возможного преемника Салазара и тех обстоятельств, с которыми он столкнется, но считало президента Республики адмирала Америку Томаша ключевой фигурой, обеспечивающей устойчивость политической ситуации в период смены власти.

3. Посольство США признавало наличие в правящей элите Португалии и в широких слоях португальского общества консенсуса в отношении необходимости сохранения заморских провинций Португалии, которые ранее составляли Португальскую колониальную империю, но после реформы 1951 г. стали частями единого национального государства – Португальской Республики.

4. Посольство США проявляло сдержанность во взаимоотношениях с последним салазаровским министром иностранных дел Алберту Франку Ногейрой и стремилось установить прямые контакты с новым президентом Совета доктором Марселу Каэтану, который был настроен на умеренно-либеральные реформы и заинтересован в сближении с Вашингтоном. Оценки послом своей первой встречи с Каэтану, который «чувствовал себя свободной от прошлого», были весьма оптимистичны, особенно если учесть отмечаемое им ранее «пренебрежительное отношение доктора Салазара к Соединенным Штатам как к стране». Также на американского посла производил позитивное впечатление «царивший в стране новый дух», связанный с ожиданиями перемен.

5. В связи с вышеизложенным стоит обратить внимание, что общая тональность всех трех телеграмм создаёт впечатление определенного сходства (при всём различии режимов и характера их отношений с США) в американском восприятии Португалии в 1968 г. и СССР в 1985 г., когда к власти в нашей стране пришёл М.С. Горбачёв. Если в Португалии в 1968 г.

началась «марселистская весна», то в СССР – «перестройка», поначалу с энтузиазмом воспринятые в стране и в мире. Однако они закончились переворотами и развалом как последней в мире Португальской колониальной империи, (чему до конца своей политической жизни успешно сопротивлялся Салазар), так и первого в мире социалистического государства – Советского Союза. Оба процесса отличались многими схожими чертами, анализ которых выходит за рамки данной темы, но что важно подчеркнуть – в обоих случаях главным бенефициаром произошедших изменений стали США.

Источники:

1. Foreign Relations of the United States, 1964–1968. - Volume XII, Western Europe / Ed.: James E. Miller; Gen. Ed.: David S. Patterson. - Washington: United States Government Printing Office, 2001.